

Часто задают вопрос, что стало с тем самым осликом, на котором Господь наш въехал в Иерусалим? И вот перед вами роман-ответ от первого лица. Книга о маленьком сером Хамарине¹, который стал свидетелем и участником великих дел.

Проведите один день из восьми в Иерусалиме. Походите по городу, послушайте, что говорят на рынке и на Храмовой горе. А лучшие найдите ослика и выслушайте его историю. Он не такой, как все твари, которых создал Господь. Он особенный. Единственное, что он не делает – не говорит в том виде, как это делают люди, но зато всё понимает – как люди, которых тоже создал Господь!

Пятнадцатое нисана. Воскресение. Первый день Нового Завета

В первый же день недели², очень рано, неся приготовленные ароматы, пришли они ко гробу, и вместе с ними некоторые другие; но нашли камень отваленным от гроба. И, войдя, не нашли тела Господа Иисуса. Когда же недоумевали они о сем, вдруг предстали перед ними два мужа в одеждах блистающих. И когда они были в страхе и наклонили лица свои к земле, сказали им: что вы ищете живого между мертвыми?

Евангелие от Луки, 24: 1–5

Мне не спалось.

Тоска сжирала изнутри, и если бы не Иов и его родственники в лице семьи горшечника, которые то и дело подсовывали мне сладости, я бы, наверное, зачах ещё днём. За всю субботу никто из наших не пришёл к нам во двор, не навестил меня и не проведал, даже Мария.

Ну, не пришла и не пришла... Значит, на то есть причины.

Наверно, я был слишком высокого мнения о себе, что взялся равняться с людьми. «Кто я такой? – думал я, стоя возле пальмы. – Скотина, которая что-то там услышала, увидела – и сразу возомнила себя мудрецом, знатоком Торы, чуть ли не пророком, судьёй и людям, и народам. Осёл, который требует к себе внимания и уважения», – я засопел, поняв, что звучит это не только смешно, но и глупо.

Я не обижался на Марию, понимая, что её горе намного больше моего. Хотя и моё не маленькое, я потерял Господина, но она потеряла в сто крат более, чем кто-либо мог подумать: великого Учителя, щедрого Благодетеля, мудрого Наставника, безотказного Помощника, примерного Мужа³, любящего Отца, доброго Брата, Господа своего и Сына Божьего.

¹ Хамарин (арам.) – осёл.

² У евреев нет названий в современном понимании – от понедельника к воскресенью. Все дни определяются порядковым номером по направлению к субботе: «первый день», «второй день» и т. д. до дня, называемого Шаббат (иврит) – дословно «покой»; седьмой день недели.

³ Муж – мужчина. Аналогично жена – женщина (форма обращения – жéно).

И всё это в один день.

Осиротела не только она, но и все, кто ходил с Господом, и теперь они держались друг друга, чтобы не впасть в печаль и не впустить в душу дьявола. Вчера, ещё до «Маарив»¹, жена горшечника носила в дом Лазаря лепёшки и, вернувшись, сказала, что Пасхой там и не пахнет, все пребывают в трауре, в посте и трудах. Разливают по амфорам благовония и готовятся идти до гроба, чтобы успеть туда с первыми лучами солнца. Спрашивали, кто им камень отвалит, так как мужчин в доме нет: и Лазарь, и Симон Прокажённый остались в городе с апостолами. Сара посмотрела на племянника, как бы спрашивая: «А ты сможешь им помочь?» Иов глянул на тётку и кивнул. Я тогда тоже кивнул, не понимая, как он отвалит камень, который с трудом задвинули пять человек.

А сейчас, разглядывая звёзды, я вспомнил, как Матфей рассказывал, что Господь, наставляя их, говорил: «Ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи»².

Я посчитал и понял, что сегодня свершится: или Господин мой воскреснет, или Его смерть напрасна.

По цифрам всё сходилось: тринадцатое, четырнадцатое и пятнадцатое нисана – три дня и три ночи. В отличие от Рима, в Иудее день не делился на день, когда светит солнце, и ночь, когда светят звёзды. День был днём от начала и до конца: начинался со звезды и кончался звездой. Зарождающийся день забирал и ночь, с неё он начинал свой бег. Сказано в Книге Бытия: «И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днём, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один»³.

День один!

И говорил Господь Моисею: «От вечера до вечера»⁴. День тринадцатого имел в себе ночь, день четырнадцатого имел в себе ночь, и день пятнадцатого нисана будет иметь в себе ночь.

Я кивнул, удовлетворённый собственными рассуждениями.

От расчётов и мыслей, что всё сходится, я аж затрепетал и, не дожидаясь Иова, выскочил со двора и помчался на Голгофу, поднимая за собой тучу пыли.

* * *

Когда я добрался до Иосифова оврага, звёзды уже поблёкли и ночь потихоньку стала сдавать свои права. На востоке забрезжила заря, показав свет зарождающегося нового дня. Здесь, в тени утесов и крепостных стен, было тихо и сумрачно. Из звуков уши уловили только возню мышей, перезвон стремян и пощёлкивание догорающих углей.

Возле оврага в нос шибануло дымом, конским потом и вином.

Двух стреноженных лошадей я нашёл возле входа в сад. Кони были римские, под сёдлами, с обрешеченными хвостами. Они не спали и, прядая ушами, топтались на месте, неуклюже переступая спутанными ногами. В отличие от своих подопечных, на пригорке, привалившись к дереву, храпел сторож, закутанный в пенулу с надвинутым на глаза капюшоном. Костра возле него не было, и я решил, что где-то ещё есть люди (возможно, в глубине сада). Прошёл мимо спящего, стараясь не втягивать воздух носом. От иудея разлило вином, и я передёрнулся, представляя, что сделал бы человек Храмовой горы⁵, застав его в таком виде.

Я знал, как поступали с заснувшим на посту. Проверяющий подходил к уснувшему и, если стражник не вставал, тихо говорил: «Мир тебе!» Не слыша ответа, начальник стражи факелом поджигал одежду спящего сторожа, после чего начинал лупить сонного палкой⁶. Урок был хорошим и, главное, запоминающимся. Да и римское наказание было не менее жестоким, хотя и менее зрелищным. Пьяному легионеру вставляли в рот лейку и лили в горло вино, пока тот не раздувался, после чего мечом протыкали живот.

От всех этих ужасов я икнул.

¹ Маарив – вечерняя молитва.

² Мф. 12:40.

³ Быт. 1:4–5.

⁴ Лев. 23:32.

⁵ Человек Храмовой горы – надзиратель, начальник над стражниками в Храме.

⁶ М. Т. Мид. 1:2.

Как и положено благородным, армейские кони даже не посмотрели в мою сторону, занятые поеданием травы. Им не было никакого дела до икающего от страха ослика, спускающегося в овраг. Я сполз по склону и остановился, всматриваясь в тёмные заросли. «Это хорошо, что тут кони и солдаты, – подумал я, прислушиваясь к стуку собственного сердца. – Всё меньше шансов встретить стаю диких собак». О волках я думал как о заблудших, непутёвых братьях, но всё же братьях, а вот одичалых я опасался. Но поборол страх и шагнул в тёмную пасть Иосифова сада.

– Стой, – чья-то рука поймала меня за хвост. Мамочка ты моя дорогая, да зачем же я тебя не послушал и пошёл гулять один?! И если бы не милый моему слуху голос, скончался бы я, наверное, на этом самом месте от разрыва сердца. Мария дёрнула меня на себя и, перехватив за шею, заставила остановиться. – Хамарин, а ты что тут делаешь?

«Гуляю», – хотел крикнуть я, но она поднесла палец к губам и сказала: «Тсс!» От родных ноток в её голосе как-то быстрее заалел восток, и рассвет уже не стал казаться мне таким медлительным и мрачным.

– Тихо ты, – рыбачка кивнула в сторону зарослей, из-за которых доносились голоса. Оттуда же слышалось пощёлкивание углей и тянуло дымом костра. – Стражники у гроба.

Я всё понял и тоже кивнул, соглашаясь, что шуметь и высовываться пока не стоит. К нам крадучись подошли Саломия и Мария, жена Клеопы, апостола от семидесяти. В руках у них были амфоры с благовониями. Поставив сосуды на землю, женщины присели рядом с нами и зашептали:

– Мы видели наших, что отстали, сюда идут.

– Что делать? Римляне у гроба... римляне, – Мария из Магдалы с тоской посмотрела в глубь сада.

– *Надо что-то придумать*, – тихонько посоветовал я, боясь, что мой голос привлечёт внимание стражи.

Но придумать ничего не успел...

Две молнии ослепительной белизны, расколов небо, одна за другой ударили в сад. И следом – за время, равное двум шагам, – раздался оглушительный раскат грома. Земля вздрогнула и качнулась. Порыв ветра рванул листву, пригибая деревья. Над садом встало белое зарево, слепя и заливая окрестности неестественной белизной. И заревело, загудело всё вокруг, сливаясь с утробным воем шофаров¹ на городских стенах.

Свет слепил, пришлось отвернуть голову и смотреть в ту сторону, откуда я пришёл. Кони на взгорке, встав на дыбы, ржали как очумелые, а пьяный сторож, не очухавшийся ото сна, никак не мог поймать прыгающие перед ним уздечки. Его силуэт метался на фоне погасшего неба, и я слышал, как он кричал, ещё больше пугая лошадей.

И ещё я слышал вопль...

Вопль ужаса от отчаяния. Так орут перепуганные насмерть люди, увидев нечто, что не вписывается в привычные рамки их земной жизни. Мимо нас пронеслись сторожа – без щитов, без шлемов, полуслепые, с растопыренными руками, оставляя на кустах терновника обгорелые клочья одежды и думая только о спасении своей шкуры. На их опалённых огнём лицах я видел застывший страх – страх увиденной смерти. Те же, кто не мог бежать, ползли следом, умоляя не оставлять их.

Само провидение открывало нам путь к гробу.

И мы пошли...

Робко и тихо ступая по траве, всё время озираясь и вздрагивая от ругани стражников, которых слышно было от крепостных стен, где они неистово барабанили в ворота. Я впереди, а женщины сзади. Они шли, всё время приседая, словно хотели спрятаться за мной. Если бы они только знали, что ощущал я! Чем ближе подходили, тем явственней чувствовался запах некой свежести, от которой хотелось вздохнуть полной грудью. Так пахнет оживший луг после грозы. Все прочие запахи улетучились, уступив место аромату прошедшего дождя, которого не было.

В глубине сада, на площадке возле входа в гроб, лежал камень – тот самый, что прошлым вечером пятеро галилеян с трудом задвинули в проём, закрывая вход. Но не камень меня зачаровал, а тот, кто сидел на нём. Среднего роста, с крыльями, касающимися земли, и копьём, на которое он опирался. Не скажу, во что он был одет, какие имел волосы и цвет глаз. Я запомнил только одно: он сиял подобно снегу, так что больно было смотреть.

¹ Шофар (иврит) – рог: музыкальный и сигнальный инструмент, служащий для созыва народа и возвещения важных событий.

Мы встали, с благоговением взирая на архангела.

В какой-то момент меня посетило любопытство. Кто он? Как имя его? Я знал, что покровителем Израиля были два архангела: Михаил и Гавриил. И я видел две молнии, ударившие в сад. Кто сидел перед нами и где был второй, я не знал, а спрашивать было как-то неприлично. Ткнет ещё копьём и превратит в жабу. Почему именно в жабу, я так и не решил, а как замороженный глядел на нашего спасителя.

Архангел поманил нас рукой.

Я не мистик и не фантазёр¹, но мне показалось, что за рукой шёл свет: небесный посланник повёл рукой – и сияние последовало за ней; он опустил руку на колено – и осветилась земля; он встал и пошёл к гробу – и свечение последовало за ним. Свет струился от его сущности – от крыльев, рук, ног, даже от копья, расходясь волнами, и тянулся за ним шлейфом до тех пор, пока юноша не скрылся в пещере, которая почему-то освещалась изнутри.

Значит, второй там, возле гроба, решил я и успокоился.

Чтобы не осквернить своим присутствием гроб, в котором лежал мой Господин, – всё-таки я скотина, а не человек – я не стал заходить в пещеру. Обогнал женщин и встал у входа, словно страж. Мимо меня прошли женщины, по одной, втекая в глубь пещеры. И тут же раздались удивлённые голоса, усиленные эхом гулкой пещеры.

– Гроб пуст!

– Его здесь нет!

– Где же Он?

– Вот плат, вот пелены, что мы укутывали Его... – женские голоса всё больше робели и наконец замолкли.

У меня было такое ощущение, что они не видят архангелов – или видят, но боятся себе в этом признаться, думая, что это духи. Я просто не понимал, как можно не видеть ангелов, освещающих гроб без светильников. Или те каким-то образом оставили свет и исчезли? Любопытство просто распирало меня, но я поборол в себе это чувство и не стал входить, решив, что всё образуется само собой.

Так и случилось.

– Что вы ищете живого между мёртвыми? – услышал я – и свет усилился, освещая пещеру изнутри. – Его нет здесь: Он воскрес; вспомните, как Он говорил вам, когда был ещё в Галилее, сказывая, что Сыну Человеческому надлежит быть предану в руки человеков грешников, и быть распяту, и в третий день воскреснуть², – голос был тихий, спокойный, я бы назвал его умиротворённым, но в нём было столько силы, что хватило бы на десять тысяч Самсонов, повергнувших своих врагов.

– Вспомнили, вспомнили! – запричитали перепуганные женщины и с этими словами стали покидать пещеру. Последней выбежала рыбачка – точнее выскочила: заплаканная, в размотанном мафории.

– *Что там?* – успел крикнуть я.

– Унесли Господа! – всхлипнула Мария, задыхаясь от горя, и побежала догонять ушедших женщин. Босые пятки мелькнули на дорожке и скрылись за кустами терновника, на котором всё ещё трепыхались клочья обгорелой одежды.

«Как унесли?! – я растерялся. – Говорил нам: “Воскресну”, – а тут раз – и унесли. Как же так?» – одолели меня сомнения. Я топтался на месте, не зная, что делать. И в пещеру хотелось заглянуть, и Марию догнать: не оставаться же мне здесь одному.

Я подкрался и сунул голову в проход. Оттуда на меня дохнуло прохладой. Пещера вгрызалась в склон холма. Длинный узкий проход ступенями уходил вниз, в подземелье, делал петлю и уже там расширялся, превращаясь в погребальный зал. Сам зал и гроб я не видел – мешал угол стены.

А войти я так и не решился...

* * *

Пока я размышлял, вернулась Мария, приведя апостолов.

Как я потом узнал, наделала она переполоха в доме у Марка. Рыбачка догнала женщин возле ворот. Как ветер, пронеслась мимо и, обогнув ошеломлённых жён, первой вбежала во двор и дальше в дом.

¹ Фантазия (от греч. *φαντασία*) – жанр, творческий приём, известный в Древней Греции уже VIII веке до н. э.

² Лк. 24:5–7.

– Унесли Господа из гроба, и не знаем, где положили Его, – от порога крикнула она и, тяжело дыша, прислонилась к дверному косяку. Суматоха, поднятая Марией, взбаламутила слуг, гостей и хозяев дома: все ходили, непрерывно разводя руками и обращаясь друг к другу со словами: «Горе-то какое, горе!»

Только Пётр не поверил сказанному. Намотал поверх туники гиматий¹ и как был босиком, так и пошёл в Иосифов сад. Глядя на него, засобирались многие из тех, кто находился в доме. Одни – спешно, чтобы быть с Петром, другие – с отяжкой, основательно, словно на праздник. Переведа дух, Мария оттолкнулась от косяка и пошла, поспешая, чтобы не отстать от Петра и Иоанна, ушедших далеко вперёд.

Через некоторое время я услышал пыхтение и приближающийся топот ног. Не замечая меня, мимо пробежал Иоанн, а следом за ним, тяжело дыша, в пещеру вошли Пётр и хмурая Мария. Меня разбирало любопытство, и, приложив уши к стене пещеры, я стал слушать голоса, усиленные гулкой пустотой.

– Его здесь нет!

– Унесли Господа! – Мария готова была разрыдаться.

– Одни пелены лежащие.

– Вот плат, который был на голове Его, не с пеленами лежит, но особо свит на другом месте, – было слышно, как Пётр ходит по пещере: тяжёлую поступь галилейского великана я с лёгкостью мог отличить от порхающей Марии или от пружинистой походки Марка – на то у меня и уши такие.

– Воскрес... Верую! – сказал Иоанн и вышел из гроба.

Пришлось мне отлипнуть от камней и принять непринуждённую позу.

Следом за юношей вышел Пётр и молча пошёл по дорожке на выход из сада. Не вышла только рыбачка. Что задержало её там, я не знал, но то, что я увидел и услышал, заинтересовало меня. Я сделал несколько шагов и робко заглянул в проём. Тёмная пещера сияла лучезарным светом, и голос, похожий на шелест листвы, увещевал Марию.

– О чём плачешь? – в голосе ангела не было скорби, скорее надежда.

– Унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его.

– Обернись!

Я слышал, как скрипнули пятки по каменным плитам, раздался тихий женский всхлип – и голос, принадлежащий моему Господину:

– Жéно! Что ты плачешь? Кого ищешь?

Я узнал бы этот голос из сотен, тысяч, миллиона легионов, я узнал бы его ночью и узнал бы его днём. В жару и в холод, в горах и в пустыне. Я никогда не забуду, как Он говорил, как смотрел, как слушал.

– Господин! Если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его.

– Мария!

Да, это был Он. Он жив! Он воскрес, как и обещал! Я улыбнулся, представляя себе нашу радостную встречу.

– Раввун!² – рыбачка почти крикнула, и я услышал шлепки босых ног.

– Не прикасайся ко Мне, ибо Я ещё не восшёл к Отцу Моему; а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему³...

И ещё я услышал голос ангела, говорящего:

– Пойди скорее, скажи ученикам Его, что Он воскрес из мёртвых и предвாரяет вас в Галилее; там Его увидите.

Раздался топот босых ног, и я еле успел отскочить от прохода. Я не знал, что там было, но я видел лицо Марии. Оно сияло, словно солнце, навечно взошедшее над Иерусалимом.

– Ну что? – успел я послать ей вдогонку своё «Иа».

– Воскрес! Господь наш воскрес! Догоняй, Хамарин, – весело крикнула она на бегу. – Я к апостолам с благой вестью...

¹ Гиматий (греч.) – верхняя одежда в виде прямоугольного куска ткани.

² Раввун – учитель (по-гречески Ραββουνι правильно будет произноситься «раббуни»).

³ Диалог построен по тексту Ин. 20:13–17.

Старым путём я не пошёл: побаивался иудеев, грозивших мне расправой. Промчался мимо Судных ворот и побежал вдоль западной стены. Возле Змеиного пруда¹ круто взял влево и ушёл вниз, в долину сынов Еннома, намереваясь войти в город через Ессеевы ворота² и уже оттуда переулками добраться до дома, где остановились апостолы и куда убежала Мария.

Пока я шлёпал по пыльной пустынной дороге, в голову пришла мысль, с которой мне захотелось тут же поделиться со всеми, кого я знал и кто знал меня и ходил все эти дни с моим Господином.

Мысль была простой, но она стоила того, чтобы её озвучить.

Иудеи гордились десятью чудесами, явленными их предкам в Храме³: никогда не видели мухи в храмовой бойне; ни с одним первосвященником не случилось извержения⁴ в День Очищения; птица не пролетала поверх жертвенника; никто не находил там шерца⁵; никогда женщина не сбросила плод свой от запаха священного мяса; священное мясо никогда не портилось; через ворота в ширину двадцать локтей выходило сорок тысяч человек; никогда ветер не разбивал столба курения; не случалось, что стал негодным омер, два хлеба и хлеб предложений⁶; сколько раз народ стоял в тесноте, а поклоны творил в просторе, имея перед собой четыре локтя пустоты.

Но разве могли все эти чудеса, не стоящие ровным счётом ничего, побороть одного явного чуда, свершившегося сегодня на Голгофе – воскресения моего Господина?

Разные судьбы одной стражи

Когда же они шли, то некоторые из стражи, войдя в город, объявили первосвященникам о всём бывшем. И сии, собравшись со старейшинами и сделав совещание, довольно денег дали воинам, и сказали: скажите, что ученики Его, придя ночью, украли Его, когда мы спали...

Евангелие от Матфея, 28:11–13

Анна стоял на стене в тени храмовой колоннады, созерцая пробудившийся город. Тонкий ручеёк молящихся никак не хотел превращаться в полноводную реку. Ручей дробился, разбиваясь на отдельные протоки, озёра и заводи. Люди сходили с дороги и с интересом слушали утренние новости. Руки рассказчиков вращались во все стороны, показывая то на Голгофу, то на Храм.

Исчезновение Назарянина – ав-бейт-дин даже в мыслях боялся произнести «воскресение» – было сопоставимо с разрушением⁷ Храма, а может, и больше того. Храм можно восстановить, как это сделали их отцы, а вот веру... «Сможем ли мы восстановить веру?» – размышлял Анна, злясь, что людской поток таял на глазах. Для бывшего первосвященника не важно было воскресение Иисуса, важно было то, что Его там сейчас нет. Гроб стоял пустой. И каждый входящий был вправе сказать: «Воскрес!» Вот трещина, от которой пошатнутся краеугольные камни иудейской веры, рассыплется устой общества и закон, данный им Моисеем, потеряет своё величие, силу и привлекательность. Никто не принесёт жертвы, не зажжёт дыма курения, никто не отвесит десятину и не наполнит корбан... Храм опустеет, и жизнь потеряет смысл.

Услышав тяжёлую поступь, ав-бейт-дин скосил глаза. К нему шёл Каиафа с помятым бордовым лицом от бурного ночного возлияния.

– Что слышно в городе? – процедил Анна, как только унюхал тяжёлый запах перегара. От первосвященника разило вином, и тесть поморщился: он не мог отучить зятя от этой пагубной привычки и только благодаря его авторитету Каиафа всё ещё был в первосвященниках.

– Он воскрес!

¹ Пруд на западной стороне города, в долине Рафаимов.

² Ессеевы ворота располагались в юго-западной части города.

³ М. Т. Ав. XXXIX.

⁴ Поллюции.

⁵ Шерец (иврит) – нечисть. Собирательное название восьми видов животных, «пресмыкающихся по земле» (Лев. 11:29–30), о которых сказано, что прикосновение к их останкам вызывает состояние нечистоты, продолжающееся до исхода того же дня.

⁶ Жертвенные приношения, совершавшиеся в храме ежегодно.

⁷ В 586 году до н.э. (в евр. традиции – 422 год) армия вавилонского царя Навуходоносора штурмом взяла Иерусалим и полностью разрушила Храм. Восстановление Храма началось в 538 и закончилось в 516 году до н.э.

– Ты не первый... Что ещё говорят? – как истинный саддукей, Анна никогда не верил в бессмертие души и воскресение мёртвых – и никогда бы в это не поверил, даже если бы сам увидел. «Скажу, померещилось или увидел духа», – так отвечал он каверзным фарисеям, требовавшим ответа: что бы он сделал, увидев воскресшего из мёртвых? Вся его сущность протестовала против воскресения Назарянина, а упоминание об ангелах, отваливших камень, только усугубляло ситуацию, приводя бывшего первосвященника в бешенство.

Каиафа пожал плечами.

– По слову стражников западной стены, многие уверовали, что он Сын Божий.

Анна скрипнул зубами и засопел.

Слова привратников Судной башни о сошествии с неба двух ангелов с огненными копьями, дрожащих от страха сторожах в обгорелых одеждах, радостных авелах и о вифанском осле, который пробежал мимо их башни, без умолку вопя «Иа-Иа», распространились со скоростью ветра. Рассказ превратился в слух, обрастая множеством подробностей. Кто-то видел, как осёл купался в «змеином пруду» и змеи его не жалили; кто-то узрел праотцов Израиля, входящих в Иерусалим; кто-то разглядел два пылающих столпа на Масличной горе, а кто-то и того больше, говоря: «Видел, как разверзлись уста земли¹ и человек в белых одеждах вышел оттуда, и с ним был сонм ангелов. И вывели они множество грешников, а там, откуда пришли, слышался стон и скрежет зубов». И уже совсем другая история неслась по улицам города, собирая зевак и будоража их воображение.

Решение пришло само собой.

– Вели всем строго придерживаться закона и не слушать пустословов, болтающих, что Иисус из Назарета воскрес. Вели левитам бить палками тех, кто распространяет ложь, ибо нет воскресения для мёртвых. Вели распускающих слухи хватать и вести в Синедрион, – Анна был зол как никогда. Надо было срочно переломить ситуацию в свою пользу – или весь город к вечеру уверует в Мессию.

– Что бы ты сделал, если бы от тебя зависела чья-то судьба? – Анна резко повернулся к зятю, и тому пришлось сделать шаг назад, чтобы не дышать в лицо тестю.

– Я бы взял денег.

– Что бы ты сделал, если бы от кого-то зависела твоя судьба?

– Я бы дал денег.

– Что мы сделаем, зная, что от стражников зависит наша судьба?

– Мы дадим им денег.

– Иди, возьми и раздай. Корбан – не бездонная бочка, но на благое дело не стоит жалеть золота...

Пусть говорят: «Когда мы спали, пришли ученики и унесли тело». И Петрония не забудьте: от его жадности будет нам польза...

* * *

Свист бича рассёк воздух...

Удар пришёлся чуть выше поясницы, распарывая кожу легионера и отбивая почки. Солдат вздрогнул и замычал, зажатый тисками в пыточном станке. Ещё один удар в то же место – и голова безвольно повисла на ослабшей шее. Кровь со спины ручьями стекала на камни претории. Таких окровавленных спин было десять: по количеству сторожей у гроба. Рой злобных мух висел над крепостным двором, своим вниманием досаждая и без того несчастным солдатам.

Среди подверженных наказанию не было Петрония, Руфуса и людей его турмы. Они входили в состав сопровождения и, выставив посты, сразу же вернулись в преторию, куда и прибежала утром перепуганная стража, не дождавшись разводящего. Все рассказы о сошествии с неба двух сияющих богов с копьями и мечами не произвели на Пилата должного впечатления. Будучи прагматиком, он не верил в чудеса и приметы, за исключением одного случая: когда у авгура умер голубь накануне Пасхи.

Оставление поста для римлян было позором, и префект приказал стражников не жалеть. Для укрепления духа весь гарнизон был выстроен по периметру крепости в полном боевом облачении. А тем, кому не хватило места, велели взойти на стены. Солнце неумолимо пекло, нагревая латы, но римляне мужественно терпели, вознося хвалу богам, что не они попались Петрониию на глаза прошлым днём.

¹ Уста земли – вход, жерло, ведущее в недра земли. Образное поэтическое выражение, под которым евреи подразумевали вход в преисподнюю.

Несмотря на еврейский праздник, Маркус был одет по-будничному – в окровавленный кожаный фартук на голое тело. Зато все инструменты в честь праздника он аккуратно разложил на верстаке и даже смазал, чтобы не скрипели и раньше времени не пугали наказуемых.

В одной тунике, с бокалом вина в руке Пилат возлежал на террасе на плетёном диване, наблюдая за экзекуцией. Рядом с ним был только раб, массирующий ему шею. Истязание длилось уж час, шея затекла, и наместник порядком подустал от однообразных пыток, воплей и обилия крови. Поманил к себе Маркуса и велел заканчивать.

Карнифекс выслушал префекта и приказал двум своим помощниками раздать легионерам палки, а десятникам – построить солдат двумя колоннами, которые пройдут мимо пыточных станков, забывая осуждённых до смерти.

В тот момент, когда запел рог смерти, возвещая начало фустуария, в ворота въехал Квинт со своими людьми. Увидев тронувшиеся колонны, десятник сингуляриев вскинул руку, призывая игемона выслушать его доклад. Пилат доверял Квинту: без причины тот не стал бы привлекать к себе внимание и прерывать казнь. Значит, он что-то узнал. Взмахом руки префект приказал прекратить движение, развести легионеров по периметру претории, а на наказуемых вылить по ведру воды, облегчив их страдания.

Квинт и два его спутника спешились с лошадей и двинулись к террасе, неся что-то, завёрнутое в полотнище. Подошли – и остановились. По лестнице поднялся только десятник, ударом в грудь сообщив о своём приходе.

– Квинт, десятник, приветствует эквита Понтия Пилата.

– Пилат приветствует верного Квинта, – приподнявшись с дивана, наместник протянул бокал, предлагая выпить, что было величайшим знаком доверия и уважения. Квинт принял бокал, отхлебнул и встал возле дивана, удерживая прибор в руке и ожидая разрешения говорить.

– Рассказывай, что дало тебе право прервать казнь.

– После того как в храм вернулась стража, по городу поползли слухи, что к гробу явились ученики и вынесли тело учителя, когда все уснули. Если иудеи были пьяны и спали, почему Рим не знает об этом? Прежде чем Маркусу отдали стражников, я говорил с ними. Все в один голос утверждали, что никто не спал: ни римляне, ни иудеи. Сна не было, был сильный страх. У многих тряслись руки и стучали зубы так, что хотелось вскочить и убежать – что и собирались сделать иудеи. Но легионеры Рима нашли в себе мужество перекрыть тропу, ведущую из сада. И только явление огненных богов заставило всех в панике покинуть пост. Тогда я сказал себе: «Сходи и посмотри...»

– Посмотрел?

– Да, и даже кое-что нашёл.

– Что именно? – Пилат немного взбодрился.

– Поднимитесь и покажите, – крикнул Квинт ожидавшим внизу сингуляриям.

– Я всегда знал, что ты можешь заинтриговать, – Пилат отстранил руку раба и встал. Не выпуская ношу, солдаты поднялись по лестнице и встали рядом с десятником. Весь гарнизон вытянул шею, стараясь разглядеть, что там принёс Квинт, если осмелился остановить наказание. – Открой, – от нетерпения руки вспотели, и префект провел ими по тунике, чувствуя тепло своего тела.

Квинт отхлебнул из бокала, поставил его на мраморный столик и только после этого подошёл к солдатам. Движением руки откинул покрывало, и перед Пилатом предстал щит. Самый обыкновенный стальной иудейский щит с приклёпанной медной менорой на лицевой стороне.

Вздых удивления и разочарования прокатился по претории.

– И это всё, что ты хотел мне показать? – Пилат был недоволен своим любимцем. Щека префекта дёрнулась, что было предвестником грозящей разразиться бури.

– Поднимите щит и укройте игемона от солнца.

Сингулярии выполнили всё в точности, как и сказал командир. Тень укрыла наместника. Но странное дело: довольно широкий солнечный луч лёг на плечи префекта. В щите была дыра размером с кулак – с оплавленными краями.

– Что это?

– Отверстие, мой повелитель.

– Я вижу, что отверстие... Отчего оно?

– Его прожёт небесный огонь. Стрела богов прошила сталь, которую не пробивает навывлет даже самая закалённая стрела.

– Только Юпитер способен на такое.
– И еврейский Бог.
– Где подобрал? – Пилат протянул руку к щиту, намереваясь сунуть палец в отверстие, но передумал.
– Нашёл в саду возле гроба.

Пилат потёр гладко выбритый подбородок, соображая, что делать. Если продолжить казнь – значит он не поверил легионерам, не поверил Квинту, тем самым второй раз презрев еврейского Бога. А отпустить солдат без наказания – значит нарушить закон Рима. «Закон суров, но это закон»¹, – любил повторять Пилат, но на этот раз он тут же мысленно добавил: «Спроси себя, кого ты больше боишься: еврейского Бога, сидящего на Небесах, или Пампония Флакка, сидящего в Сирии?»

И тут случилось то, чего не должно было случиться. На террасу поднялась Клавдия, прошла мимо Пилата и, встав лицом к солдатам, бросила мужу фразу, от которой Квинт покрылся испариной.

– Если хочешь узнать истину, собери совет из центурионов и квесторов: мне есть что им сказать.

* * *

Клавдия помогала рабыням, которые укладывали вещи. Желая покинуть город, она торопила служанок, моля Бога о том, чтобы муж не передумал и они не остались до конца праздников в ненавистном ей городе. Отъезд, намеченный на сегодня, был отменён из-за случая со стражей у гроба и перенесён на неопределённое время. Сегодня был самый несчастливый день, но она старалась не думать об этом, надеясь всё же покинуть Иерусалим до того, как солнце встанет в зенит. С некоторых пор она перестала верить в приметы, полагаясь только на волю Всевышнего.

Услышав топот копыт, доносящийся со двора, жена префекта встала и развела плотно прикрытые ставни. Увидев, что это Квинт, Клавдия накинула на плечи пелену и вышла из комнаты.

* * *

Выслушав жену префекта, присутствующие в башне совета единогласно высказались за отмену фустуария, заменив смертную казнь поркой плетью. Стражники были помилованы. Все согласились с тем, что идти против воли Бога нельзя, чей бы это Бог ни был. И если ангелы с огненными стрелами помиловали сторожей, значит так было угодно. Богу не нужна была их смерть, а Рим не выше Бога.

Тирада Клавдии могла бы послужить образцом ораторского искусства, если бы не безрассудство, с которым она закончила свою речь, напомнив всем, что раньше Рим всегда называл первый день недели «днём Бога»², а не «днём Солнца».

– И этот день сегодня наступил, – подвела она итог.

Квесторы и центурионы сидели с меловыми лицами, понимая, что и у стен есть уши. И если напрямую жена префекта не требовала не принимать календарь Цезаря, то в её последних словах это прозвучало как призыв.

Надо было выкручиваться, и Пилат нашёл выход.

– Я узнал истину, о которой ты хотела мне сказать. – Он пронизательно посмотрел на жену и добавил: – Истинно блаженны уши, внимающие не голосу, звучащему на площадях, но голосу, в тиши учащему истине³.

Напряжение было снято, и все дружно выдохнули.

* * *

Через два часа Клавдия с дочерью покинули Иерусалим. Процессия из двух паланкинов, возлежащих на плечах рослых нубийцев, в окружении полусотни сингулариев, в сопровождении когорты пехотинцев и сотни легковооружённых лучников выступила из претории по направлению к башне

¹ Dura lex sed lex – крылатое латинское выражение, приписываемое Цицерону.

² День Бога – Dominica (воскресенье). После введения Юлианского календаря старые названия дней недели были заменены новыми, и воскресенье стало Solis dies – «день Солнца».

³ Beatae plane aures, quae non vocem foris sonantem, sed intus auscultant veritatem docentem – крылатое латинское выражение.

Меа. Позади солдат двигались рабы, слуги и множество воловьих повозок с имуществом семьи префекта Иудеи.

Пилат же остался в городе до конца праздника опресноков. Будучи настойчиво зазываем в гости – посмотреть павлинов и выпить вина, префект не позволил себе проигнорировать третье приглашение Антипы, являющегося другом Тиберия, и согласился посетить родовой дворец Иродов сегодня же до захода солнца.

Притча о девяти прокажённых

Один же из них, видя, что исцелён, возвратился, громким голосом прославляя Бога, и пал ниц к ногам Его, благодаря Его; и это был Самарянин. Тогда Иисус сказал: не десять ли очистились? где же девять? как они не возвратились воздать славу Богу, кроме сего иноплеменика? И сказал ему: встань, иди; вера твоя спасла тебя.

Евангелие от Луки, 17:15–19

Самаритяне не ходили в Иерусалим на праздник, справляя Пасху у себя, на горе Гризим¹. У подножия был колодец Иакова², возле которого и встретила Иисуса самаритянка Фотиния, придя за водой. Через неё и пришла благодать на жителей города, которые собрались по её слову и говорили: «Уже не по твоим речам веруем, ибо сами слышали и узнали, что Он истинно Спаситель мира, Христос»³.

Накануне Пасхи, когда ещё тьма не поглотила Голгофу, в Сихеме⁴ уже знали, что Учителя схватили, судили и казнили – распяв, словно разбойника, с разбойниками. Весть об этом принесли торговцы, вернувшиеся из Иерусалима. Первой поклониться Иисусу ушла Фотиния с детьми и сёстрами⁵. И следом за ней в Вечный город потянулась цепочка благодарных самаритян, среди которых был и Идак.

Люди шли всю ночь, не останавливаясь и не разговаривая между собой. Шли молча, горя одним желанием: успеть поклониться тому, в ком они увидели Спасителя.

Они спешили, но всё было тщетно.

К их приходу с горы сняли даже кресты, отчего вершина приняла свой прежний вид: лысая и невзрачная, похожа на плешивый череп. Пасхальный день ходоков встретил воем ветра, хрустом песка под сандалиями и радостными лицами иудеев.

Ветер выл, песок скрипел, иудеи улыбались.

Так продолжалось всю субботу, пока не погасли звёзды и утро нового дня не принесло известие о воскресении Христа.

* * *

- Говорят, Назарянин воскрес, – кричали одни.
- Говорят, пришли ученики и тело украли, – отвечали другие.
- Кто говорит? Стражники? – напирала первая.
- А хоть бы и стражники, – парировали вторые.
- Так что же это за стражники, если учеников не остановили? – укоряли те, что начали спор.
- Да уж какие есть, – жёстче отвечали поборники веры.
- Спали, что ли? – не унимались боголюбивые.
- А хоть бы и спали. Тебе-то какое дело? – горячились благочестивые.
- Известно, какое: правды хотим, – требовали дотошные.
- Будет тебе правда, – хмыкали въедливые.

Толпа закипала, обрастая зеваками, спорщиками и храмовниками, в чью задачу входило подавление всяких разговоров о свершившемся воскресении.

¹ Священная гора, на вершине которой стоял самаритянский храм, разрушенный иудеями в 110 году до н.э.

² Иаков – библейский патриарх, внук Авраама, родоначальник 12 колен Израиля.

³ Ин. 4:42.

⁴ Сихем, Сихар – город в Самарии, ассоциируется с современным Наблусом в Палестинской автономии.

⁵ Фотиния и её сыновья Иосия и Виктор, а также сёстры Анастасия, Параскева, Кириакия, Фото и Фотида в 66 году н.э. приняли мученическую смерть в Риме как христиане.

– Да денег им дали первосвященники, вот и говорят, что спали, – в спор вступил паломник, всю субботу проведший на Храмовой горе.

– Ты, что ли, давал? – к сказавшему обидное резко повернулся человек в длинном шерстяном кетонете с пришитыми по краю подола колокольчиками и занёс палку для удара.

В толпе произошло движение, и к спорщикам шагнул самаритянин, перехватив руку левита.

– Он не давал, зато я видел, как на ящике с корбаном ломали храмовую печать, – человек левой рукой сжал кисть храмовника, а правой показал нож.

– Мало ли для чего сломали, может, на какие нужды, – уже более примирительно сказал левит и добавил тихо, но так, чтобы стоявший перед ним услышал: – Кто тебя только пустил на Храмовую гору?

– Господь! – Идак оттолкнул левита и пошёл через толпу. «Врежь ему!» – услышал он за спиной, но поворачиваться не стал. И голос человека, с которым спорил о карбане: «Пусть живёт, я сегодня добрый».

На каждой площади, улице, в переулке – везде повторялось одно и то же. Собирались спорщики, зачинщики, провокаторы и блюстители. Слышались крики, споры и даже случались драки. Законников было меньше, но они были более организованы, ходили десятками, с палками – не скрывая своих намерений. Били жестоко, до крови, ломая не только руки, но и головы. За час до начала «Минхи»¹ первого дня, стремящегося к субботе, с сомневающимися было покончено и в городе наступило относительное затишье.

* * *

«Зачем ты пришёл в Иерусалим?» – спрашивал себя самаритянин. И тут же отвечал: «Чтобы ещё раз сказать: благодарю тебя, Господи!» – «Ты уже говорил это», – и сам себе укреплял: «И ещё раз скажу». – «А если не встретишь? – и, склонив голову, шептал: «На всё воля Божья!»

Пробродив полдня по городу в ожидании встречи, Идак вышел к крытым галереям Вифезды, где когда-то обитал, жажда исцеления. И первый, с кем он столкнулся, был Нахум – один из десяти прокажённых, исцелённых Иисусом...

Вид иудея был ужасен.

У сидящего возле колонны человека не было кожи. Розовое, истекающее гноем и пахнущее смрадом тело было покрыто ползающими мухами, на которые несчастный не обращал внимания. Погасший взгляд отражал полное безразличие ко всему, что творилось возле источника. Длинные пепельные волосы свисали немывтыми лохмотьями, служа своего рода накидкой, прикрывающей наготу. Время от времени он поднимал высохшие руки и протягивал их к прохожим, выпрашивая хлеба. В праздник иудеи не посещали источник, боясь осквернения, и прокажённые сильно страдали в эти дни от голода.

– Нахум, – Идак присел рядом, развязывая мешок, – как, почёму ты опять покрылся проказой? – у самаритянина задрожал голос от жалости к человеку, с которым он десять лет делил лохмотья, хлеб и место возле купели. Когда у кого-то не было сил, один брал другого и сносил в купель милосердия. В те дни они жили надеждой на исцеление – надеждой, что когда-нибудь ангел сойдёт к источнику, воды выиграют, болезнь отступит и они очистятся. Надо только успеть войти в купель первым. Это не всегда получалось, а когда получалось, ангел почему-то не приходил.

– Это ты, Идак? – самаритянин не услышал вопроса, он прочитал по губам, которые чуть шевельнулись, раздирая слипшуюся корку. – Ты чист, – иудей хотел коснуться руки самаритянина, но не смог: силы покидали его истощённое тело. Губы разлиплились ещё раз, и Идак услышал: – Уходи, я проклят! – рука плетью упала вниз, сбивая костяшки пальцев о мраморный пол купели.

– Вот, возьми: здесь хлеб, вино, – Идак наконец развязал походную сумку и пододвинул мешок иудею. – Ешь. Тебе нужны силы.

– Зачем мне силы? – спросил человек, но тем не менее его рука сгребла лепёшку и сунула в беззубый рот. – Я зову ангела смерти, чтобы он забрал меня.

– Ты зовёшь не того... Ангел смерти – лишь вестник. Призови Господа, и Он даст тебе силы и здоровье и продлит твои дни. Как исцелил царя Езекию. Разве ты забыл, как сказано: «В те дни заболел

¹ Минха – дневная или послеполуночная молитва.

Езекия смертельно, и пришёл к нему Исаия, сын Амосов, пророк, и сказал ему: так говорит Господь: сделай завещание для дома твоего, ибо умрёшь ты и не выздоровеешь. И отворотился Езекия лицом своим к стене и молился Господу, говоря: “О, Господи! вспомни, что я ходил пред лицом Твоим верно и с преданным Тебе сердцем, и делал угодное в очах Твоих”. И заплакал Езекия сильно. Исаия ещё не вышел из города, как было к нему слово Господне: возвратись и скажи Езекии, владыке народа Моего: так говорит Господь Бог Давида, отца твоего: Я услышал молитву твою, увидел слёзы твои. Вот, Я исцелю тебя; в третий день пойдёшь в дом Господень; и прибавлю ко дням твоим пятнадцать лет»¹.

– Я не Езекия, я Нахум.

– И я не Исаия, я Идак... Но и нашу молитву услышит Господь, надо только обратиться с верой и сердцем, очищенным от скверны. Что держишь на душе – отринь от себя, изблюй злобу и ненависть, принеси покаяние. Не молчи и не держи камень за пазухой.

– Он обманул меня...

– В чём? Скажи, и я упрошу Господа, чтобы Он вытер слёзы твои, и, если так угодно Богу, я возьму на себя твои грехи, чтобы ты очистился.

– Ты добрый человек, Идак. Уходи, не тереби душу.

– Разве ты не веришь Ему?

– Однажды я, ты и наши братья уже поверили Ему и исцелились по слову Его. Помнишь, как мы искали Назарянина, как бродили между Самарией и Галилеей, спрашивая встречных: «Где Он? Не видел ли кто? Не проходил ли здесь?» И, встретив, возликовали, крича: «Иисус Наставник! помилуй нас». А Он увидел нас и сказал: «Пойдите, покажитесь священникам». И когда мы шли, очистились².

– Всё верно ты говоришь, брат, всё так и было. Десять попросили – и десять очистились. Но не вам ли я говорил: пойдёте, отблагодарим Его. Что вы мне тогда сказали? «Достаточно того, что Он нам сказал: пойдите покажитесь».

– А что ещё надо? Мы и так терпели, страдали, просили. Бог услышал нас и исцелил. Закон исполнен, мы ничего Ему не должны...

– Ты ропщешь на Бога, разве так можно?

– Нам, иудеям, можно: отцы наши роптали в пустыне сорок лет, так чем мы хуже отцов наших? Тебе никогда не понять иудея, самаритянин.

– Знаю, что не понять. Для вас закон превыше всего. Не ваши ли козны говорят: «Соблюдай закон и спасёшься»?

– А что ещё надо для спасения? – Нахум принялся сосать голыми дёснами засохший азим³.

– О трёх делах говорил Тот, кто исцелил нас: о покаянии, о любви и о милосердии.

– Если бы я был здоров, я бы, наверное, тоже тебя накормил. Хотя нам, иудеям, и запрещено проявлять к самаритянам милосердие.

– Дело не в том, проявлять или не проявлять, главное, готов ли ты пожертвовать собой ради другого.

– Что тебе от меня надо, Идак? У меня ничего нет, кроме моих язв. Хочешь их забрать – забери, только оставь меня в покое.

– Я заберу, если тебе это поможет.

– Ты на самом деле хочешь мне помочь? – очередная лепёшка повисла в воздухе, удерживаемая на весу рукой Нахума. Он был обескуражен и никак не мог понять, к чему клонит настырный самаритянин.

– Разве я когда-нибудь тебя обманул?

– Нет, – сказал прокажённый и спешно, боясь, что отнимут, сунул азим себе в рот.

– Ты знаешь, где остальные?

– И в навозе находят золото, – прошамкал Нахум, стараясь прожевать целую лепёшку.

– Значит, они здесь, возле купелей, – Идак встал, осматривая клоаку: сотни прокажённых сидели, лежали, ползали по мраморным плитам, оставляя за собой не очень изящные следы. И над всем этим смердящим адом висел рой мух. Как только кто-нибудь из их подопечных начинал движение

¹ 4 Цар. 20:1–6.

² По тексту Лк .17:11–19.

³ Азим – самаритянский пресный хлеб, приготовленный на раскалённых листах железа.

в сторону бассейна, насекомые наполняли уши злобным жужжанием, впадая в тревожное состояние из-за того, что кладка с личинками может утонуть.

Неожиданно пахнуло тухлыми яйцами, вода бассейна вспучилась, образовав серебристое кипение, отчего поднялась невероятная суета. Гвалт заполнил колоннады, и десятки несчастных одновременно ринулись к краю бассейна, давя друг друга. Но не успели они дотянуться до воды, как пузыри исчезли, всё стихло и успокоилось, принеся величайшее разочарование.

– Вставай! – самаритянин протянул иудею руку.

– Оставь меня. Если хочешь мне блага, упроси Господа, чтобы он сегодня же принял меня в Царствии Своём.

– Собери всех наших и скажи, чтобы ждали... Без прощения я не вернусь!

– Помолись за нас, а когда вернёшься, мы будем рядом, все девять.

– А ты не отчаивайся, следуй призыву Исаии, повторяя за ним: «Укрепите ослабевшие руки и утвердите колени дрожащие; скажите робким душою: будьте тверды, не бойтесь; вот Бог ваш, придёт отмщение, воздаяние Божие; Он придёт и спасёт вас. Тогда откроются глаза слепых и уши глухих отверзнутся. Тогда хромой вскочит, как олень, и язык немого будет петь; ибо пробьются воды в пустыне, и в степи – потоки»¹.

Идак знал, что дни его друга сочтены, понимая, как тяжело будет ещё раз вымолить прощение. Ибо только прощение даёт исцеление. Он хотел лишь одного: чтобы Господь не отринул Нахума, не отверг, не сказал: «Уходи, не знаю тебя». Взор самаритянина был устремлён вдаль – туда, где тёмным пятном синела Масличная гора. Ему почему-то казалось, что именно на её вершине он сможет увидеть Того, кто однажды уже исцелил их. И там, упав в ноги Христу, будет слёзно просить за своих друзей. Самаритянин не хотел вспоминать, как девять прокажённых иудеев взяли его в друзья: это была старая, давно затянувшаяся рана, которую он не хотел вскрывать.

* * *

– Господи, накажи меня, а их помилуй, ибо это я виноват в том, что не сказал этим добрым людям, что Тебя, Господи, надо благодарить за всё, – с этими словами Идак сполз по насыпи к потоку.

День обещал быть жарким, и имело смысл наполнить бурдюк, чтобы по дороге на Масличную гору не платить водоносам за воду, которую находчивые евреи продавали на вес, меряя её бейцами² – по лепте за одну порцию. Сегодня самаритянин должен был вернуться в свой город, но встреча с Нахумом изменила его планы.

«Встань и иди; вера твоя спасла тебя»³, – фраза, услышанная им в месяц Адар, не выходила из головы. «А если Господь не услышит меня? Что будет с теми девятью несчастными, которым я дал надежду на исцеление? – сомнения змеями вползли в душу. – Я всё равно не отступлюсь. Я отмолю их. Упрошу простить их и исцелить, сколько бы ни потребовалось времени – день, два, месяц или год. Сколько Господь позволит и даст сил, столько я и буду молиться за своих друзей». Самаритянин решил, что лучше умрёт на горе, чем, спустившись, опять увидит их поражённые проказой тела.

Идак наполнил бурдюк, замотал горловину и, перекинув хлюпнувший мешок через плечо, полез по склону вверх, цепляясь руками за жёсткую осоку, в изобилии покрывающую берега Кедрона. С трудом выбрался на дорогу и пошёл по направлению к горе.

Он шёл, очищая дорогу от камней, которые были непреодолимым препятствием для измождённых болезнью людей. У него было такое ощущение, что за его спиной шли девять прокажённых. Шли на гору, чтобы там предстать перед Господом и сказать: «Прости нас, не знали мы, что надо благодарить Тебя, Господи, а самаритянин этот, который чист, не сказал нам...»

Чем ближе Идак подходил к горе, тем чаще наклонялся, поднимал крупные булыжники и отбрасывал их в сторону. Мелкие он сшибал ногой, делая дорогу если не ровной, то более-менее чистой.

Упражнения с камнями не мешали Идаку творить молитву. Он не готовился и не составлял текст. Слова сами лезли в голову, и он знал, Кто посылает их ему.

¹ Ис. 35:3–6.

² Бейца («яйцо») – мера жидкости, равная 91,6 см³.

³ Лк. 17:19.

«Господи, – шептал Идак, – прости тех, за кого я прошу, ибо они не по сердцу не пришли к Тебе, а по закону. Ты сказал: идите и покажитесь священникам. Они пошли, и вошли в синагогу, и ходили между кознов и левитов, говоря: “Иисус Наставник исцелил нас”.

Я видел и слышал это.

Я говорил им: “Пойдёмте, отблагодарим Господа за то, что исцелил нас”. Ответ их не был жестоким, скорее неразумным: “Достаточно того, что мы вошли и рассказали о Нём”. Я говорил: “Пойдёмте”. А они сказали: “Он сам так велел”. Те девять – истинные сыны Израиля, и для них исполнение закона так же свято, как для меня Свят Ты, Господи, и Имя Твое. Господи, дай им милость, исцели! Возьми моё чистое тело и отдай им, а мне взамен дай их грязную кожу, гнойные рубища возложи на меня, да понесу их в наказание за грехи мои. Не уговорил, не нашёл слов, не зажёл примером своим – в этом моя вина».

Идак откинул очередной камень и остановился перед козьей тропой, круто уходящей вверх. Подъём имел вырубленные в горе ступени, но колебания земли, прошедшие накануне, обвалили часть склона, оголив корни деревьев и завалив проход буреломом, отчего некогда ухоженная тропинка исчезла, превратившись в непреодолимую кручу.

Пока самаритянин соображал, как быть, за деревьями мелькнула тень – и вниз покатались мелкие камешки. По откосу спускался человек в шерстяном кукуле, пастушьей шапке и с посохом в руке. Идаку даже послышалось блеяние овец, но стада не было, и он решил, что оно на той стороне горы.

– Господи, благодарю Тебя, что послал мне путника, у которого я могу спросить дорогу на вершину горы, – громко сказал самаритянин и вознёс свой взгляд на небо. Но спросить он не успел. Человек сам заговорил с ним:

– Зачем лезть на гору, если и под горой хорошо слышно?

– О чём ты, добрый человек? Что ты хотел сказать мне этим? – Идак был смущён и даже немного растерян тем, что пастух смог проникнуть в его мысли.

– Ты просил услышать тебя – тебя услышали. Ты искал милости не для себя – ты нашёл её. Вера твоя спасла их... Вернись, они прощены!

Идак более явственно услышал блеянье овец. «Значит, они где-то рядом», – почему-то подумал самаритянин и крикнул вслед человеку, уходящему в глубь шумящего леса:

– Кто ты? Скажи, как звать тебя?

– Разве ты не узнал Того, кто дал тебе имя Идак, что значит «очистившийся»?

И только теперь самаритянин увидел, что это был не пастух, а человек в белых одеждах – Иисус Наставник. И Он не спускался, а поднимался. Мелькнул – и исчез за деревьями, будто не было кручи и обвалившейся тропы, уходящей почти вертикально вверх.

– Господи! Прости, что не узнал тебя! – сказал самаритянин – и повалился со слезами на землю.

* * *

Когда он вернулся под своды Вифезды, их уже вытащили и уложили возле купели на деревянные щиты. Вытащили баграми, зацепив за остатки плоти, словно скотину, околевшую на скотном дворе. Багры были брошены здесь же. Не было только чистильщиков купели, которые ушли в храм, чтобы узнать, что делать с девятью прокажёнными, умершими в один миг и в один день. Такого раньше никогда не случалось, и требовался совет старейшин, как поступить и где их следует похоронить.

Идак стоял молча, разглядывая такие знакомые и такие обезображенные болезнью лица. Вот лежит Нахум, вот Елиазар, это Рафаэль, рядом с ним Назарий, вон тот Михаэль, Самуил и Манассий, и ещё двое, чьих имён самаритянин не знал, так как прибились они к ним незадолго до первого исцеления.

Вернулись работники, и то, что услышал Идак, вселило в сердце надежду, что он всё сделал правильно – они прощены и смерть их угодна Богу. Первосвященники повелели похоронить несчастных на поле, что куплено у горшечника, а не в придорожной канаве, как это делалось раньше. И говорили храмовники между собой: «Да будет то поле местом погребения для всех отверженных, странников и бездомных, и назовётся земля та “землёю крови”»¹.

¹ Мф. 27:8.

Конь Царя Иудейского

Потому говорю вам: всё, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, – и будет вам.

Евангелие от Марка, 11:24

Всё-таки они меня поймали.

Взяли хитростью, обманув простодушное животное. Я поверил им, доверился, а они опоили меня, погрузили на тележку и повезли в город, крича от восторга: «Хамор попался, от которого все беды в нашем городе!»

Попался я на сушёных яблоках. О свежих не могло быть и речи: деревья только-только оделись цветом и плодами ещё не пахло, а вот сушёных было предостаточно. На каждом чердаке хранилось корыто или мешок с пожухлыми золотистыми дольками.

Их было двое.

Двое иудеев с мешком, наполненным яблоками. Я их встретил возле Нижнего пруда¹, где утолял жажду. Подошли – и стали, шушукаясь: он – не он, тот – не тот.

Я особо не прислушивался: мало ли о чём люди спорят. Главное – надо держаться от них подальше, вот и всё... Только подумал, решив перейти на другую сторону, как один из иудеев говорит:

– Сейчас проверим. Если это тот самый хамор, он должен понимать человеческую речь.

– А если не поймёт?

– Значит, он нам не нужен. И пусть хоть обопьётся здесь и лопнет, я к нему в праздник не прикоснусь.

– А после праздника?

– И после праздника не прикоснусь. Мало ли кто его пасёт.

– Правильно ты, друг, говоришь. Только как мы узнаем, понимает он нас или нет? Он же осёл.

– *Сами вы ослы*, – пробурчал я.

– Слышишь! Чует, что мы о нём говорим. Значит, тот! – первый иудей развязал мешок, потряс его содержимым – и воздух тут же наполнился удивительным ароматом: так пахло в доме у Сары, когда она ворошила сушёные фрукты.

– Всё-таки я не понимаю, как мы поймём, тот это осёл или не тот, – не унимался второй иудей. Он был на голову выше первого, более коренастый и, по всей видимости, немного туповатый – в отличие от своего товарища, маленького и шустрого еврея, который теребил мешок, усиливая аромат и наполняя им воздух.

– Если ты тот самый осёл, на котором Назарянин въехал в Иерусалим, ты должен понимать, что тебе говорят. А если так, кивни нам – и получишь за это две мины сушёных яблок.

– Три! – вставил его спутник, и худощавому пришлось согласиться.

– Хорошо, три. Ты получишь три мины сушёных яблок.

Яблоки, как и морковь, – моя слабость. Есть, конечно, ещё финики, орехи, дыни, изюм и прочие излишества, от которых я бы не отказался, но нам их не дают, считая, что нам, ослам, достаточно овса. Вот эта слабость меня и подвела. Мало того что я кивнул и крикнул «Иа», так я ещё сам пошёл к ним навстречу...

И попался.

Яблоки были облиты вином. Я ел – и не мог остановиться. Ел, пьянел, качался – и опять ел. Ел, пока в голове не помутнело, небо не сомкнулось с землёй, а ноги не превратились в верёвки. Я был пьян. Упился, точнее ужрался, до... Не могу подобрать слова. Но, кажется, навали рядом со мной кучу навоза, толкни – упаду, и будет навоз мне домом, и буду счастлив. У меня забрали разум и стыд. Я знаю, кто это сделал, и скажу, молчать не стану.

Бес!

Бес пришёл вместе с первым золотистым ломтиком, пахнущим вином. Он забрал мою память, и я забыл, что завещал Соломон детям своим: «У кого вой? у кого стон? у кого ссоры? у кого горе? у кого раны без причины? у кого багровые глаза? У тех, которые долго сидят за вином, которые прихо-

¹ Пруд в юго-западной части города, между долиной Сынов Еннома и долиной Рафаимов.

дят отыскивать вина приправленного. Не смотри на вино, как оно краснеет, как оно искрится в чаше, как оно ухаживается ровно: впоследствии, как змей, оно укусит, и ужалит, как аспид»¹.

Всё забыл, всё отшибло.

Остались только страсть к пойлу, неуёмная жажда и страх: а вдруг кончатся яблочки, а вдруг не хватит? Я же ещё не насытился, не упал в навоз и не обделался. А то, что скакал козлом, блеял овцой и бодался, как вол, об этом я не помнил, а добрые иудеи мне не сказали, терпеливо ожидая, когда я наконец-то свалюсь и они смогут отвезти меня на скотобойню. Продать живьём они бы не решились: вдруг хозяин объявится и засудит? А вот разделать и на шкуру пустить – другое дело. Но и здесь была проблема. Шкуры ослов не очень ценились в Иерусалиме – из-за обилия таких тварей, как я. Но я был особый осёл, и они знали, на что переводят яблоки и вино.

Единственное, что они не продумали – соотношение моего веса и требуемого количества яблок. Прежде чем упасть, я съел восемь мин яблок и выпил две полных корчажки неразбавленного вина. Я нанёс им приличный убыток, но иудеи не были бы иудеями, если бы не просчитали всё до конца и не имели бы точного плана, что они будут делать со шкурой освежёванного осла.

Но в тот момент я не знал их планов, и злые их помыслы были скрыты от меня. Мир мне казался прекрасным, а эти два иудея – милейшими людьми. Я полюбил их всем сердцем и готов был отдать за них жизнь. В тот момент они были мне друзьями больше, чем Иов, Мария, Апостолы и, кажется, даже больше, чем мой Господин.

Я не пошёл в город, чтобы известить Иова и всех наших, что Господь Воскрес. Я предал Господина своего за хмельные яблоки, за четыре лог² вина. Я предал Того, кого любил, и всех, кто ходил с ним. Я предал любовь! Я предал дружбу! Вместо своих истинных друзей я предпочёл новых и сладкие грёзы опьянённого разума. Веселящаяся плоть затоптала, заглушила отчаянный вопль души, залил её вином...

Похмелье пришло не сразу, но пришло, и было оно горьким и страшным.

* * *

Я протрезвел мгновенно, как только услышал шум вращающегося точила.

Повозка стояла в сарае. Пахло свежесделанными шкурами, кровью и сушёными опилками. Было темно и непривычно тихо. Я лежал на боку под наклоном, опутанный верёвками, на той самой повозке, что была у моих новых «друзей». Голова была тяжёлой, меня мутило и хотелось пить. Встать я не мог, а позвать боялся.

Я чувствовал, что здесь что-то не так.

Уши шевельнулись, улавливая голоса. Они были далеко, за стеной, в другой комнате. Оттуда же доносился гул: кто-то доводил нож, скрупулёзно водя лезвием по шероховатой поверхности камня. «Вжжжж», – тихо пел точильный камень, заглушая спорившие о чём-то голоса.

– Очнулся?

Я вздрогнул и попытался повернуть голову. Усилия мои были тщетны, и я спросил тихо, с опаской:

– Кто здесь?

– Та, кого ты меньше всего ожидал здесь увидеть.

– Вестник? – я покрылся липким потом, представляя себе осла в погребальных пеленах.

В углу хмыкнули, и я услышал скрежет когтей по деревянным полам.

– А ты шутник. Если бы я была вестником, я бы не боялась смерти.

Смерть боится смерти – это что-то новенькое. Или там не смерть. Я попытался перевернуться всем телом. Завозился, закричал; повозка застучала оглоблями об пол, всё заходило ходуном, закрипело, загремело – и я закричал, призывая на помощь.

«Иа, иа», – должны были услышать люди, и они услышали. За стеной что-то упало, раздался топот ног, запахнулась дверь, впуская свет, а следом трёх иудеев, двоих из которых я уже знал. Все трое подскочили ко мне, шикая и сжимая морду.

– Замолчи, – в руке незнакомца мелькнул доведённый до блеска нож. Отполированное лезвие отражало предметы за моей спиной, чуть искажая и преломляя их. И то, что я увидел, заставило меня заткнуться и зажмурить глаза. Огромная голова волка с оскаленной пастью висела на стене, взирая на меня тёмно-

¹ Прит. 23:29–32.

² Лог – мера жидких тел, равная 0,54 л.

оранжевыми глазами, и дальше вся стена была увешана отрубленными головами: оленей, лис, кабанов, львов. В углу стояло чучело цапли без одной ноги. Но не они привели меня в ужас, а та, кого я видел в своих ночных видениях. В углу, в тесной деревянной клетке, сидела волчица, ожидая своей очереди.

Но, кажется, я залез вперёд неё.

– Кровь спущу на землю, потроха вам, мясо мне, – проговорил хозяин сарая, размахивая ножом. – Шкуру вымочу, в глаза вставлю кусочки смолы шлифованной, тушу набью опилками и зашью. Что писать на дощечке?

– Напиши: «Конь Царя Иудейского».

– Побьют вас храмовники за хулу, – человек сунул нож за пояс, давая тем самым знать, что резать будет, но не сейчас.

– Анна сам сказал: «Имеете осла – делаете, как велю».

– А осёл тот ли?

– Тот не тот... какая разница? Велено выставить его на рынке на показ, пока праздник идёт, чтобы все видели: каков конь, таков и Царь.

– Серебром не беру, – чучельник взялся за оглобли, поднял тележку, на которой я лежал, и катнул в угол – туда, где была клетка с волчицей. – Говорят, серебро в храме всё нечистое.

– Как это? – не понял здоровяк: он и возле пруда не блистал умом.

– Кровь на них. Будто человек какой в храме бросил их на землю со словами: «Согрешил я, предав кровь невинную».

– Так их отделили, – пояснил худосочный, осведомлённый обо всём, что творилось в эти дни на Храмовой горе. – Купили на них землю у горшечника, что под горой живёт.

Так вот какие деньги принёс мэун в дом Симона! Я вспомнил Иова, Сару, Марию и шапку Масличной горы, нависающей над моей родной Вифанией. Я вспомнил всё и всех. Хмель ушёл, оставив душевную пустоту и боль в груди. Боль от осознания своей ничтожности. Я прикрыл глаза и мысленно, чтобы не привлекать к себе внимания живоделов, взмолился, призывая моего Господина прийти и вытащить меня отсюда – живым и невредимым.

– Есть одна мелочь, но очень важная, – продолжал чучельник. – Идёт праздник опресноков, и мне нужно благословение первосвященника и обещание, что в храме принесут за меня жертву всесожжения.

– Как скажешь, так и будет. Но чучело нам нужно завтра.

– Хорошую шкуру дубят десять дней. Прибавь ещё пять – и получишь день, когда будет готово чучело осла.

– Нам не важно, как он будет выглядеть, пусть хоть облезет и задубеет. Главное – дощечка с текстом.

– Завтра так завтра, – главный живодел приоткрыл ворота, пропуская гостей, и вышел следом, оставив нас с волчицей наедине.

* * *

Волчица яростно грызла металлические прутья, хрипела, захлёбываясь слюной, задыхаясь в своей тесной клетке. А я сучил ногами, стараясь распутать верёвки. Но тот, кто вязал, знал своё дело. Верёвки не поддавались, и от этого я ещё больше впадал в уныние.

– Приди, забери, помоги, прости меня: немощного, безвольного, унылого, трусливого, ленивого, алчного, похотливого, непослушного, – я перевёл дух и продолжил, – самолюбца, гордеца, склочника, завистника, словоблуда, празднословия, – не прерываясь, шептал я, не оставляя попыток освободиться от пут.

Я ждал, а Он всё не шёл и не шёл. Медлил...

– Да что же это такое! Да где же ты, Господи?! – вспомнив рыбачку, мысленно вскричал я. – Что же ты не идёшь ко мне, Господин мой ненаглядный? Как мне исправить путь свой? – взмолился я от отчаяния, не помня, как повысил голос. – Прости тех двух иудеев с яблоками и живоделера с ножиком. Они не виноваты. Я виноват, что попался им на пути и соблазнил их.

– Эй, осёл, – рыкнула волчица, сбивая меня с молитвы. – Что ты там всё шепчешь?

– Молюсь, – буркнул я.

– Потом помолитесь. Есть идея...

Я был недоволен, что она прервала меня. Хотел промолчать и не отвечать, но поймал себя на мысли, что это тоже одна из сторон гордыни – не обращать внимания. И тихо, как только мог, спросил:

- Чего тебе?
- Ты мог бы выбить прутья моей решётки?
- Вот ещё, – от этого вопроса я аж опешил. – Чтобы ты загрызла меня?
- Да ты, осёл, просто осёл! Если я разорву тебя, будет ли мне от этого польза?
- Ну, я не знаю, – молитва ушла, и пришлось вступить в разговор. – Хоть перед смертью поешь.
- Может, у тебя и есть аппетит, а у меня его нет.

У меня его тоже не было: яблоки и человеческая подлость, с которой я столкнулся, до сих пор давали о себе знать, сжимая сердце жёсткой ледяной клешней.

- Говори, – поборов страх, я повернул уши и стал слушать.

* * *

Я вытянул к ней ноги, как только мог, а она ко мне – лапы из клетки. Когти рвали верёвку, цепляя кожу на ногах, но я терпел. Рвали с такой быстротой, что я не успел досчитать до десяти, как путы ослабли и свалились на пол. Я смог пошевелить ногами, чувствуя, что свободен. На очереди была ещё одна верёвка – та, что притягивала меня к повозке. Но и она развалилась, и я, словно куль, сполз по тележке на пол.

Осталось сделать самое страшное.

Я должен был встать. Причём встать так, чтобы тележка не загремела и меня не застали при попытке к бегству. Но всё прошло гладко. В сарае был земляной пол, и копыта лишь глухо топали, не издавая громких цокающих звуков.

Я поднялся.

Осматриваться было некогда, и я повернулся задом к клетке. Волчица юркнула в дальний угол, припав к земле. «На счёт три», – сказал я ей и ударил копытами в прутья, даже не начав считать. Если вы слышали грохот катапульты, выбрасывающей камни, то скажу вам: это цветочки по сравнению с тем, какой гром я произвёл в наглухо закрытом сарае. Удар пришёлся в брус, удерживающий кованые прутья. Дерево лопнуло, и клетка рассыпалась, произведя ещё больше шума.

Мы были свободны и, не сговариваясь, ринулись к выходу, сшибая ворота, яростно крича по-ослиному, рыча по-волчьи и одновременно щёлкая зубами. Атака была успешной. Сбив с ног выбежавшего из дома чучельника и распугав копающихся в навозе кур, мы загнали скулящего пса под дом и, выскочив со двора, понеслись по улице, пугая благочестивых иудеев, которые кричали, что дом живодёра проклят, так как они лично видели двух духов замученных им животных.

* * *

Остановились мы только возле Царских гробниц. Покрутились среди надгробий, запутывая следы и смотря, нет ли погони. Погони не было, и мы успокоились.

Пора было расходиться.

Мы постояли напоследок среди обветшалых памятников, унимая стук сердец. Поговорили, рассуждая, как ловко у нас всё получилось. Повздыхали, сожалея о всех, кто остался висеть на стене. Всплакнули от радости и стали прощаться.

Напоследок я сказал волчице, что мой Господин услышал мои мольбы и помог нам. Это Он провёл нас по улицам города – мимо скопища празднично шатающихся евреев, обилия торговых палаток и столов; мимо стражников и легионеров, показывающих на нас пальцами со стен претории; мимо привратников на Рыбных воротах. Это Он распахнул створ ворот и остановил людской поток, заставив всех визжать от ужаса. А по-другому и не могло быть: я же обещал, что буду с Ним. И Он не оставил, не бросил, не забыл и не презрел меня, нерадивого, иначе лежал бы я сейчас с зашитым пузом, полным опилок, и ни о чём не думал.

Волчица не возражала и, прежде чем уйти, сказала: «Я видела, как ты вёз своего Господина в этот проклятый город. – И добавила: – Ты мне снился, Хамарин». Ничего не оставалось, как признаться в своих видениях. Меня поразил ответ: левита загрызли малолетки, послушавшись вожака, и за это убили всю стаю.

Не уцелел никто, кроме неё...

Мы расстались почти по-братски, без лобзаний и лишних слов. «Пока! Встретимся ещё», – и разошлись в разные стороны. Не знаю, куда она пошла, а я побрёл в Эммаус¹. Что-то тянуло меня туда, кто-то подталкивал в спину, говоря: «Иди!» И голос свыше: «Он там и ждёт тебя».

Так я и шёл, пока не заснул и не упал в придорожную канаву...

О событиях произошедших со мной на дороге, читайте в главе «Путешествие из Иерусалима в Эммаус».

Воскресение Христово

И сказал им: так написано, и так надлежало пострадать Христу, и воскреснуть из мёртвых в третий день, и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима. Вы же свидетели сему.

Евангелие от Луки, 24:46–48

Квинт догнал паланкины на «трилистнике», когда они огибали Гаваон² – богатый город в колене Вениаминовом, в пятидесяти стадиях к северу от Иерусалима. Именно в этом месте торговые караваны расходились на три стороны света: на запад – к Великому морю, на север – в Галилею и на восток – к Иордану.

Город кормился дорогой. Ни в одном месте в Иудее не было столько постоянных дворов, сколько их было здесь. От Рыбных ворот до ворот Гаваона ходоки считали три часа неспешного хода, и каждый паломник, не нашедший себе пристанища в Иерусалиме, мог запросто остановиться здесь и при этом каждый день посещать Храмовую гору. К тому же цены на жильё здесь были почти в два раза ниже, чем в Иерусалиме.

Недалеко от развилки дорог, на холме, покрытом изумрудными соснами, возле развалин древней ханаанской башни предусмотрительным Пилатом был устроен римский лагерь. К нему и спешили нубийцы, чтобы укрыть госпожу и её дочь до наступления темноты.

Спокойствие Иудеи было мнимым: тихая днём, она становилась опасной ночью. Мелкие группы разбойников из идумеян, самаритян, галилеян, перейцев, сирийцев и иудеев нападали на припозднившихся ходоков, зачастую отбирая не только кошельки, но и жизнь. Шайки покрупней не гнушались атаковать даже караваны под надёжной охраной. Но были ещё зилоты – хорошо организованные и вооружённые религиозные фанатики, охотившиеся только на римлян и бесстрашно атакующие любой малочисленный римский отряд.

Поэтому по приказу префекта через каждые сто стадий на всей дороге от Иерусалима до Кесарии Приморской³ были устроены лагеря, обнесённые частоколом, с достаточным количеством легионеров, а также запасом воды, провизии, стрел и обязательным сигнальным колоколом.

Квинт отпустил уздечку – и лошадь пошла шагом, отдыхая от утомительной скачки. Не было смысла спешить: то, что он должен был рассказать жене префекта, предназначалось только для ушей Клавдии и желательно без свидетелей. А дорога – не то место, где можно делиться секретами.

И ещё он должен был ей кое-что передать.

Декурион сунул руку за пазуху, проверяя, на месте ли маленький кожаный мешочек, в котором лежали хлебные крошки со стола Того, Кто воскрешал мёртвых. Там же хранился маленький египетский сосуд из обожжённого кварца, называемый эллинами «букалли»⁴, в котором плескалось вино, оставшееся с Пасхальной трапезы. Эти предметы ему дала та самая женщина, которой Клавдия пять дней назад подарила сосуд, полный драгоценного мира. Днём он возил в Вифанию приглашение от Клавдии – она звала сестру Лазаря к себе, в Кесарию. Увидев, что римлянин садится в седло, Мария всплеснула руками и кинулась в дом. Вернувшись, протянула десятнику подарки: хлеб и вино – говоря: «Христос Воскрес!»

Квинт улыбнулся, вспоминая, как на вопрос, о ком говорит простолюдинка, услышал: «Ты только скажи. Она поймёт! А хлеб и вино – для жизни вечной...» – с этими словами женщина развернулась и ушла в дом.

¹ Эммаус – иудейское селение в 60 стадиях (11 км) на северо-запад от Иерусалима.

² Гаваон – город в 55 стадиях (10 км) к северо-западу от Иерусалима.

³ Кесария Приморская, или Палестинская, – город на берегу Средиземного моря, резиденция префекта Иудеи.

⁴ Букалли (греч.) – бутылка.

Солнце склонилось к закату, когда Анна в сопровождении пяти сыновей, верного Завулона, домашних слуг и секретарей суда вышел через Садовые ворота. Он уходил с Храмовой горы в приподнятом настроении.

Смуту, порождённую воскресением Назарянина, удалось погасить. Неугомонных уgomонили палками, а страже дали денег – и те запели совсем другую песню. Правда, был один момент, который чуть было не погубил все начинания ав-бейт-дина. В храм пришёл незнакомец – юноша с золотистыми волосами. Пришёл в сандалиях, нарушая закон; с подшитыми в знак радости краями белоснежного хитона. Встал возле нового занавеса, облокотился на копьё и заговорил, приставая к священникам: «Ну что, нашли? Нет ещё? Почему не ищите? Ищите лучше! Кто свидетель? Не знаете? А я вам скажу: Гавриил и Михаил!» – «Ангелы не свидетельствуют и не судятся», – отвечали иудеи и спешили уйти, чтобы не слышать: «Да вы что? Вот это новость! А Сын Божий?» Юноша ушёл так же, как и появился, быстро и неожиданно, после этого Анна несколько раз посылал служителей искать незнакомца и в городе, и на Храмовой горе, но никто его больше не видел.

И вот сейчас ему сумели наконец-то испортить настроение. И кто бы мог подумать – Варавва. Каменотёс прошёл мимо, не останавливаясь и не смотря по сторонам. Прошёл, не замечая благодетеля. Не поприветствовав и не вознеся слов благодарности. Словно это не Анна, а кто-то другой привёл Назарянина в преторию, устроил судилище и дал Пилату право из двух разбойников освободить одного.

Сердце дрогнуло, и старика захлестнула желчь.

– Стой, нечестивец! – рука машинально схватила Варавву за рукав и, дёрнув на себя, развернула того на пол-оборота. – Ты почему не принёс жертву в храме? Или ты думаешь, что бесплатно получишь удел в будущем веке? Бог мне свидетель, ты не восстанешь на суд по воскресении мёртвых!

– И это мне говорит тот, кто отвергает воскресение... или ты изменил своей вере и стал фарисеем? – Варавва поднял голову, смотря в глаза бывшему первосвященнику. – Иисус Воскрес! И Он мой Бог, и только Он знает, что уготовано мне в будущем веке, – каменотёс видел злобу, затопившую разум старика, видел зрачки, расширившиеся от ненависти, и даже почувствовал запах смерти. Но он был спокоен: отцепил пальцы верховного судьи от своего рукава и пошёл дальше – туда, куда шёл.

Анна проводил его прожигающим взглядом, поманил Завулону и тихо сказал:

– Пойди за ним.

Телохранитель хлопнул толстой, отполированной до блеска палкой по ладони и пошёл за Вараввой. Догнал он каменотёса за Судными воротами. Пропустив паломников, входящих в город, ускорился, заходя с левого плеча, и с размаху ударил каменотёса палкой по затылку. Удар пришёлся чуть выше шеи, сломав основание черепа. Ноги скользнули в сторону, и бездыханное тело рухнуло в придорожную канаву, подставляя окровавленный затылок заходящему солнцу.

Авив, сын Гамалиила, встретил Никодима и Иосифа на пороге дома. Через узорчатую калитку провёл гостей в сад, окружённый с четырёх сторон крытыми галереями – этаким римский атриум с величественными кипарисами, опутанными виноградом, и мраморным бассейном в центре для сбора дождевой воды. Дом снаружи и внутри был иудейский: прочный, удобный и тёплый. А двор внутри дома был римский: прохладный, уютный и вдохновляющий. «Невежда не может быть праведным», – сказал дед Гамалиила и позвал греков, чтобы те перестроили двор.

Такое сочетание он придумал для того, чтобы не отвлекаться от изучения Святого Писания и не думать, где спастись летом от зноя и куда бежать зимой от холода. «Что нужно, чтобы познать Тору?» – спросили его однажды. «Вовремя перейти из дома в сад и из сада в дом», – ответил мудрый Гиллель. И был прав. Ничто так не отвлекает от учёбы, как жара и холод. Есть ещё жажда и голод, но без них человек уже думает не об учёбе, он думает о своём желудке...

В тени кипарисов возле мраморных сидений стоял Асаф с кувшином в руке и полотенцем через плечо. Их осталось двое любимых учеников: Асаф и Ярон. Офир не появлялся третий день. А те, кто приходил как вольные слушатели, разбрелись на праздники, так что дом мудреца наполнился в эти дни тишиной и покоем.

– Садись, брат Никодим, – Иосиф показал на мраморную скамью, – давай омоем ноги и войдём в дом добросердечного Гамалиила.

– И ты садись, брат Иосиф, – из дома вышел сам Гамалиил в скромной шерстяной тунике с краями, заткнутыми за пояс. – Да не коснутся ваши руки дорожного праха. Сегодня я послужу вам, как послужил Учитель ученикам своим. И вы войдёте в дом мой, как Сын Божий вошёл в сердца наши. И возляжем, и будем есть хлеб и пить вино, как завещал нам Господь, и прославим Воскресение Его!

– Многие слышали, но не все поверили, – Никодим хотел развязать ремни обуви, но Гамалиил жестом остановил его, как бы говоря: «Позволь это сделать мне, брат Никодим».

– Ещё больше – видели и не поверили, – Иосиф поднял голову, разглядывая уходящее за крыши домов солнце.

– Истину, истину глаголешь, брат Иосиф... Блажен не видевший, блажен уверовавший, – Гамалиил опустился на колени и стал распутывать ремешки их сандалий.

* * *

Мария, мать Иисуса, в сопровождении женщин ушла в старый родительский дом, стоящий за городской стеной на склоне холма, называемого Везефа. В Вифании остались только мужчины: Иов, Симон Прокажённый, Лазарь и Симон-горшечник.

Сидели в доме Лазаря на вытертом ковре при свете светильника. Сидели молча, не зная, как себя вести, что делать и как заканчивать уходящий день. То ли в трауре пребывать, то ли в радости... Ходил слух, что Учитель воскрес: слух робкий и не подтверждённый никем, кроме Марии, видевшей Христа.

Иов даже ходил к апостолам, но и они пребывали в сомнениях.

В головах крутилось: воскрес или не воскрес? О том, что тело унесли храмовники, не могло быть и речи. Зачем первосвященникам наступать на собственные грабли? Из своих же никто не выносил – незачем. Тогда где Он?

Вот этот вопрос и мучил сидящих в доме Лазаря.

Напряжение снял хозяин дома. Обвёл всех взглядом, тяжёлым и нерадостным. С некоторых пор он перестал улыбаться: то, что он видел по смерти, вытравило из него всякое веселье, заставив поиному смотреть на данную человеку жизнь. Смерть лишила его радости, но не лишила разума. Лазарь посмотрел на грустные лица и сказал:

– Что вы скисли, словно молодое вино? Неужели думаете, что Воскресивший меня не воскреснет Сам? Не я ли тому вчера ещё мертвый, а ныне живой свидетель? Не мне ли Он сказал: «Лазарь, выйди вон»? И не вы ли были тому свидетелями? Принесём вино и хлеб, возрадуемся сердцем и воспоём устами и скажем друг другу то, что Он нам завещал: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нём»¹.

* * *

Отгудев, затихли шофары, известив народ Иерусалима о появлении трёх звёзд. Медленно, но неотвратимо в город входила тишина. Запирались городские ворота. Закрывались ставни и двери. В домах зажигались светильники, чтобы после молитвы погаснуть. На башнях претории гудели горящие факела; трепыхались огоньки в светильниках, расставленных по периметру Храмовой горы, да на стенах города редкими светлячками мелькали масляные лампы сторожей. Жизнь замирала под гнётом надвигающейся темноты. Только ветер блуждал по пустынным улицам города да лай одиноких собак нарушал час «Маарив».

В доме Марка тоже горели светильники, но не для молитвы.

Апостолы сидели на ковре, расстеленном на полу. Сидели по-простому: в туниках, без трапезы, поджав под себя босые ноги. Сидели при свете трёх горящих светильников – как память об Учителе, которого нет уже с ними три дня. Их взоры были обращены к Луке и Клеопе, только омывшим ноги после дальней дороги и уже рассказывающим об удивительной встрече, произошедшей с ними по дороге из Иерусалима в Эммаус. Из двоих говорил Лука, как самый бойкий, а Клеопа кивал головой, подтверждая сказанное.

¹ Ин. 6:54–56.

– ...Приблизившись, человек Тот заговорил с нами: «О чём это вы, идя, рассуждаете между собою, и отчего вы печальны?» – Лука показал на сидящего апостола от семидесяти. – Вот муж честный перед вами, и я свидетель разговора того. И сказал сей муж в ответ: «Неужели Ты, один из пришедших в Иерусалим, не знаешь о происшедшем в нём в эти дни?» – «О чём?» – спросил подошедший. Тогда поведали мы Ему, что было с Иисусом Назарянином, Который был пророк, сильный в деле и слове пред Богом и всем народом; как предали Его первосвященники и начальники наши для осуждения на смерть и распяли Его. И вложили боль души в слова: «А мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля; но со всем тем, уже третий день ныне, как это произошло»¹.

– А Он, что Он отвечал вам? – огонь загорелся в душах слушателей, и всем хотелось немедля бежать в Эммаус, чтобы увидеть воскресшего Иисуса.

– То, что мы слышали каждый день, что душой принимали, а умом постигнуть не могли. «О бессмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки! – сказал Он нам. – Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою?» И, начав от Моисея, из всех пророков изъяснял нам сказанное о Нём во всём Писании»².

– И вы узнали Учителя!

– Простите нас, братья, глаза наши были удержаны, так что мы не узнали Его, – Лука сложил на груди руки крестом и поклонился апостолам.

– Мы не виним вас: и мы и ходили, и смотрели, и, увидев гроб пустым, вернулись, размышляя между собой, что бы это могло быть. А услышав благую весть, принесённую Марией, сказали: «Слова твои пусты», – и не поверили ей.

– И по сей час сомнения в душах наших, – Пётр хлопнул по коленям, как бы призывая прекратить эти душераздирающие разговоры и лучше послушать апостолов, поспешно вернувшихся из Эммауса. – Скажи лучше, брат Лука, что было потом?

– Войдя в селение, мы предложили Ему остаться с нами, так как день склонился к вечеру. И Он вошёл и остался. И возлегли на трапезу, и когда Он возлежал с нами, то, взяв хлеб, благословил, преломил и подал нам. Тогда открылись глаза, и мы узнали Его. Но Он стал невидим. И сказали мы друг другу: не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писание? И, встав в тот же час, пошли в Иерусалим, и вот мы здесь»³.

Все замерли, переваривая услышанное.

Получался некий колодец без ведра: вода есть, а напиться не можешь. Хотелось верить, что так оно и есть! Что воскрес Господь! А как не верить, если трое видели, трое внимали, трое говорили с Ним? И тут же мысли сомнения влезали в головы, искушая бывших здесь и слышавших и Луку, и Марию.

«Мария – женщина, а женщины живут душой, – рассуждали сидящие на ковре. И прибавляли мысленно: – А Лука и Клеопа – апостолы, а апостолы живут верою. – И говорили себе: – Тот, кто живёт разумом, не может жить душой, а кто живёт верою, не может жить разумом». Значит, не хватает разума... «Пока не увижу – не поверю», – сказал бы Фома, но его с ними не было.

Пламя светильников дёрнулось и разгорелось, привлекая к себе взгляды и отвлекая взоры от Учителя, который вошёл в комнату и стал среди учеников.

– Мир вам, – фраза была произнесена тихо, но так проникновенно, что все разом повернулись к говорившему. Посреди горницы стоял Иисус. Стоял в белых искрящихся одеждах. Скромный, умиротворённый и спокойный. Такой, каким апостолы привыкли Его видеть: излучающим доброту и любовь. Но, увидев смятение в сердцах их, сказал Сын Божий: – Что смущаетесь, и для чего такие мысли входят в сердца ваши? Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это Я Сам; осяжите Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня»⁴, – и добавил: – Нет ли чего у вас поесть?

Сказал – и улыбнулся!

Конец сокращённого варианта.

Полностью роман состоит из двух частей: Часть первая – От дня первого до дня шестого; Часть вторая – От дня шестого до Воскресения Христова. Восемь дней по пять глав, сорок глав, в которых вмещены все события, произошедшие в Иерусалиме с восьмого нисана по пятнадцатое (включительно).

¹ Лк. 24:13–17.

² Лк. 24:25–27.

³ Лк. 24:30–33.

⁴ Лк. 24:38–39.